

■ триумфаторы

“нашему братству хватит и двух братьев”

401 СТР

Как родилась идея вашего нового фильма?

Жан-Пьер: В городе Серэн, во время съемок нашего предыдущего фильма, мы на протяжении нескольких дней наблюдали молодую женщину с коляской, которую она толкала перед собой каким-то странным образом. Нам стало интересно — а есть ли в коляске вообще ребенок? Он там был, он спал. Когда мы стали думать о следующем проекте, к нам вернулся образ той женщины. Мы поняли, что какого-то персонажа не хватает: женщина выглядела слишком одинокой. Мы решили изобрести этого персонажа и дать ему имя Брюно.

Люк: В основе сюжета, как всегда, наше воображение, но это не значит, что подобных историй не происходит на самом деле, — не только в Бельгии, но и во Франции, в Италии. Но имейте в виду: мы сняли фильм не о торговле детьми, а о парне и девушке, у которых родился ребенок. Это история любви. Правда, один эпизод в нашем фильме вдохновлен реальными фактами. Тот эпизод, в котором Брюно и его напарник, Стив, после совершенной кражи прячутся от полиции под мостками, погрузившись в холодную воду. В Льеже один пареньек точно так же попытался совершить кражу и, скрываясь, нырнул в реку. И утонул. Что случилось на самом деле, никто не знает — то ли он потерял сознание от переохлаждения, то ли прохожие забили его камнями. Когда мы писали эту сцену, мы думали, не убить ли таким образом нашего героя, Брюно. Но решили все-таки пощадить.

Начиная с «Обещания», вашего первого фильма, вы ставите в центр фигуру отца — даже когда отец отсутствует, как в «Розетте», его отсутствие можно посчитать фактором, определяющим поведение персонажей. С чем это связано?

Жан-Пьер: Мы одержимы этой темой. А особенность любой мании в том, что сам маньяк не способен взглянуть на нее со стороны и проанализировать. Но мания присутствует, факт. Хотя вряд ли она может быть окончательным и основным объяснением, скажем, судьбы Розетты. Просто нас интересуют отношения поколений.

Люк: Однако замечу, что в первой, нереализованной, версии сценария «Розетты» главная героиня идеализировала своего покойного отца и все время обвиняла от его лица алкоголичку-мать.

У вас все мании общие?

Жан-Пьер: Есть и у каждого свои собственные, но их мы не обсуждаем.

Люк: Наши персонажи и сюжеты рождаются из того, что интересует обоих, что мы подолгу обсуждаем, — до тех пор, пока не рождается на свет новая история.

Как вы выбрали Жереми Ренье и Дебору Франсуа на главные роли в «Ребенке»?

Люк: Выбрать Жереми было нетрудно: мы его давно и хорошо

Жан-Пьер и Люк Дарденны — Газете



Жан-Пьер Дарденн (на фото справа вместе со своим братом и коллегой Люком Дарденном): «Для нас кино — способ не расставаться» Фото: AP

знали. Хотя с самого начала о нем не думали. Когда мы написали тот эпизод, в котором Брюно и Стив подшучивают друг над другом, то вспомнили, как Жереми здорово умеет смеяться и смешить других. Позвонили ему, встретились, чтобы проверить, не слишком ли он постарел. Нет, не слишком. И мы предложили ему роль еще до того, как дописали сценарий. А Дебору и Жереми Сегара, который играет роль Стива, мы отобрали во время кастинга, как обычно и делаем.

Два раза подряд вы получали для своих актеров приз за лучшие роли. Что вы такое делаете с актерами, что приводит в восторг и зрителей, и критиков, и фестивальные жюри?

Жан-Пьер: Просто нас, в отличие от других режиссеров, двое. (Смеются.)

В других ваших фильмах камера постоянно преследует персонажа, не отпуская ни на секунду. Почему в «Ребенке» вы перешли к более традиционному методу съемки?

Люк: На этот раз у нас в центре было два персонажа, а не один — мы же не могли постоянно перескакивать от одного к другому! Причем главный герой, Брюно, периодически останавливается, прислоняется к стене, кого-то ждет. Так что и движение камеры приходилось останавливать.

И все же некоторые сцены сняты без единой склейки и, наверное, требовали огромного количества репетиций...

Жан-Пьер: Не такого уж и огромного. Когда мы снимаем про-

ход персонажа по определенному маршруту, мы заранее прорабатываем этот маршрут — причем так, чтобы при желании можно было слегка отклониться вправо или влево. Мы допускаем для актеров свободу действий, но в определенных рамках. Что до текста, то в нем никаких импровизаций не бывает. По меньшей мере во время съемок. Только во время наших немногочисленных репетиций мы иногда вносим изменения в диалоги. В конце концов, диалогов у нас очень мало, и без крайней необходимости мы бы их в сценарий не вставляли. Если актера несет, мы его прерываем.

Люк: Вообще никаких четких правил у нас нет. Иногда нам хватает одной репетиции, иногда их нужно больше. Причем текст мы никогда не репетируем — только движения.

Работая вместе, вы никогда не разделяли функции?

Жан-Пьер: Нет, но когда мы работаем на съемочной площадке, обычно один из нас командует, а второй следит за процессом на мониторе. Потом мы меняемся местами. А репетируем вместе.

А пишете как?

Жан-Пьер: Много обсуждаем, придумываем сюжет и структуру, а потом Люк идет домой и все это записывает. Вместе мы это правим. Когда же у нас возникает пять-семь версий, мы идем к продюсеру, и он указывает пальцем на ту, которая лучше. Мы ему доверяем.

Одни зрители видят в ваших фильмах социальный анализ,

а другие — универсальные метафоры, притчи. Какой из аспектов важнее для вас самих — если их можно отделить друг от друга?

Люк: Вопрос в том, можно ли отделить.

Жан-Пьер: Все наши фильмы — сказки, но связанные с сегодняшним миром. Работая, мы постоянно спрашиваем друг друга: «Ты как думаешь, это достаточно современная история?» «Аккатоне» Пазолини был вымышленным персонажем, но он принадлежал своей эпохе.

Что вы думаете о датском движении «Догма-95», с которым часто сравнивают ваши фильмы?

Люк: Они все у нас украли. Мы сняли «Обещание» раньше, чем они сделали свои первые фильмы.

Жан-Пьер: Догмы — это для церковников, церкви, и догмы — это не для нас. Нашему братству хватит и двух братьев.

Люк: Если говорить серьезно, то сходство есть. По одной простой причине. И Бельгия, и Дания — маленькие страны, и в определенный момент и мы, и они стали пытаться делать более дешевое кино. Маленький бюджет стал определяющим фактором. Меньше техники, меньше народу на съемочной площадке... Никакой музыки, потому что музыка — это еще и покупка прав, вы отдаете себе в этом отчет? Все-таки денежный вопрос очень важен, что ни говори.

Вы считаете себя бельгийскими режиссерами, или сего-

дня, в эпоху объединенной Европы, существует общеевропейское самосознание?

Люк: Мы об этом не думаем. Мне нравится Европа, и я не думаю, что она будет еще расширяться. Снимаем мы в Бельгии, а не в Финляндии. Можно мечтать о единой Европе; главное — не мечтать о Европе в униформе.

Вы определили для себя, почему из многочисленных своих профессий и областей деятельности в итоге все-таки остановились на кино?

Люк: Никаких глубинных причин у нас нет. Если у кого-то есть глубинная причина для чего-то, значит, он, скорее всего, заблуждается. Нельзя так хорошо себя знать, чтобы быть твердо уверенным: я рожден на свет для того-то и того-то. Клянусь вам, что занялся кино по чистой случайности. Жан-Пьер был театральным актером, я — ассистентом театрального режиссера, с которым работал Жан-Пьер, и тот ему сказал: хватит играть, попробуй что-нибудь поставить на сцене. Мы попробовали вместе. И однажды, в начале 1970-х, к нам на репетицию пришел один парень с камерой и все это заснял, а мы потом посмотрели запись, заинтересовались и подумали, не попробовывать ли и нам что-то снять. Так все началось. Если бы он не пришел, ничего бы не случилось. Мы никогда в жизни не мечтали делать кино.

Жан-Пьер: А сегодня для нас кино — способ не расставаться. Мы еще в детстве были неразлучны и всех этим раздражали.

Врахов
Дарденны
и
Жан-Пьер

23.05.05